

Столетняя Мэри.

Она написала эту книгу.

Она говорила: вы не одиноки.

Мэри перевернулась на другой бок, уткнулась лицом в подушку и слегка изогнула уголки рта.

Это была её первая улыбка за очень долгое время.

Не радостная улыбка, не беззаботная. Это была та улыбка, которая появляется только тогда, когда человек узнает, что он не одинок.

Такая улыбка возникает, когда долго идёшь во тьме и вдруг видишь впереди огонёк лампы.

На следующее утро Джейн и Элизабет заметили, что Мэри немного изменилась.

Нельзя было сказать, в чём именно заключалась перемена. Она по-прежнему мало разговаривала, всё так же любила оставаться одна и то и дело погружалась в задумчивость за обеденным столом. Но то тяжелое, вызывающее тревогу выражение в её глазах, казалось, немного поблекло. Словно что-то тихонько затеплилось под этой пеленой серости.

Мэри сегодня как будто... — Джейн задумалась, и её рука с игрой для вышивания замерла. — Как будто стала немного более спокойной?

Элизабет бросила взгляд на Мэри, которая сидела, опустив голову за едой.

Возможно, — ответила она.

Она не стала расспрашивать о причинах. И Джейн тоже не стала.

Они лишь посмотрели на Мэри, а затем вернулись к своим делам.

Мэри слышала их, но не подняла головы.

Она сунула руку в карман юбки и погладила тоненькую книжицу — ту самую, которую тайком вынесла с собой и прятала при себе, чтобы иметь возможность коснуться её в любой момент. Страницы уже пожелтели и стали хрупкими от старости, обложка истерлась настолько, что слова на ней почти стерлись, но сами эти слова жили в её сердце.

В защиту прав женщин.

Другая Мэри написала это для неё.

За окном пробивался ноябрьский свет — блеклый и холодный.

Но на ладони Мэри теплилось крошечное ощущение тепла.

В последующие дни Мэри словно заново родилась.

Мистер Беннет заметил это первым.

Не то чтобы она стала бойкой — она никогда не была оживленным ребенком. И не то чтобы она пристрастилась к болтовне — слов у неё от роду было немного. Просто... она перестала бегать в кабинет.

Те толстые фолианты, что грудились на полу, те тяжелые труды о законах, обычаях и положении женщин, она один за другим вернула на полку. В последний раз, когда она водрузила на место трактат О положении женщин в обществе, она некоторое время неподвижно простояла перед книжным шкафом, затем повернулась и ушла, больше никогда к ним не прикасаясь.

Мистер Беннет поднял глаза из-за стопок книг и проводил взглядом маленькую фигурку, скрывшуюся в дверях, почувствовав в глубине души смутное облегчение.

Эти книги не предназначались для девятилетней девочки. Да и вообще ни для какой женщины — те, кто их писал, изначально не рассчитывали, что женщины смогут их понять. Он не знал, что именно Мэри вынесла из этих книг, но в те дни, когда она сидела на полу кабинета, её вид напоминал ему какое-то запертое в клетку маленькое животное — оно не бьется, не кричит, а просто тихо сидит в углу, и в его глазах таится нечто тревожное.

Теперь она сюда не приходила.

Она начала заниматься другими делами.

Чем же?

Мистер Беннет понаблюдав за ней несколько дней и обнаружил, что она просто... сидит.

Иногда она устраивалась на маленьком табурете в углу гостиной — том самом, с которого в детстве не доставала ногами до пола — и отрешенно смотрела в окно. Иногда усаживалась на

садовую скамейку и проводила так целые полдня. А порой отправлялась в заросли, которые так любила, ложилась на траву и зачарованно глядела на кроны деревьев над головой.

Что это с Мэри в последнее время? — как-то раз поинтересовалась миссис Беннет. — Ни книг в руки не берет, ни на фортепиано не играет, целыми днями витает в облаках. Как бы с ней чего не случилось с рассудком — на её лицо надежды и так никакой, а если еще и ум повредится, как ей дальше жить?

Мистер Беннет ничего не ответил.

Он тоже не знал, что происходит с Мэри.

Но в глубине души смутно чувствовал: она вовсе не витает в облаках.

Она о чем-то думала.

Джейн и Элизабет тоже постепенно оправились от уныния после отъезда мисс Уилсон.

Джейн снова принялась за вышивание. Её стежки по-прежнему были тонкими и аккуратными, а вышитые розы выглядели как живые. Лишь изредка она останавливалась, смотрела в окно, легко вздыхала и продолжала работу.

Элизабет вытащила из ящика стола романы. Она больше не убегала одна в дальние уголки дома, а садилась на подоконник и страница за страницей перечитывала истории, которые знала наизусть. Иногда, когда Мэри проходила мимо, она замечала, как у сестры слегка шевелятся губы — та не читала вслух, а повторяла про себя.

Вторая сестрица, — однажды Мэри остановилась рядом с ней. — Что ты читаешь?

Элизабет закрыла книгу, показывая обложку — Сесилия, всё та же старая знакомая книга.

Уже дочитала? — спросила Мэри.

Дочитала, — ответила Элизабет. — Это уже в третий раз.

Интересно?

Элизабет задумалась и кивнула.

Мэри присела рядом с ней.

Какая фраза тебе нравится в ней больше всего?

Элизабет перелистнула несколько страниц, нашла нужное место и показала ей.

Величайшее несчастье в жизни — это не лишиться любимого человека, а никогда по-настоящему не любить.

Мэри посмотрела на эту строчку и на мгновение умолкла.

Кто это сказал?

Персонаж из книги, — ответила Элизабет. — Но когда она это произнесла, все остальные заявили, что она слишком много думает и девочкам не подобает рассуждать о таком.

Мэри подняла голову и посмотрела на Элизабет.

Элизабет тоже смотрела на неё.

Они несколько секунд молча глядели друг другу в глаза в лучах полуденного солнца.

Затем Мэри поднялась, стряхнула пыль с юбки и ушла.

В ту ночь Мэри лежала в постели и продолжала думать о том, что не давало ей покоя.

Выход.

Ей необходимо было найти выход.

И не тот выход, что подразумевает удачное замужество в будущем — это путь, который миссис Беннет нарисовала для неё. И не тот путь, что ведет к образованности и званию благовоспитанной леди — это дорожка, на которую указала ей мисс Уилсон. И даже не грандиозный путь к изменению целой эпохи — ей девять лет, у неё нет ни денег, нет ни власти, ни права голоса, что она вообще способна изменить?

Ей требовался её собственный путь — такой, который позволил бы ей выжить, не задохнуться, находить силы открывать глаза каждое новое утро.

Она думала об этом очень и очень долго.

Начала с того самого дня, когда уехала мисс Уилсон. С того дня, как принялась за те книги. С

тех диких роз в зарослях.

Она размышляла бесчисленными ночами и бесчисленными днями.

И вот однажды её осенило.

В тот полдень она снова сидела в тех же зарослях.

Осеннее солнце пробивалось сквозь листву пятнами света, падавшими на её плечи. Дикie розы давно отцвели, остались лишь голые ветки да несколько пожелтевших листьев. Но ей было всё равно.

В руке она держала прутик и чертила что-то на земле.

Не буквы. Линии. Круги. Какие-то знаки, понятные только ей одной.

Она думала над словами из тех книг.

Разум женщин от природы слабее мужского.

Женское мышление тяготеет к эмоциям и лишено системности.

Женщинам не пристало углубляться в науки и заниматься литературным трудом.

Она вспоминала снисходительный тон одного автора, мягкое презрение другого, неприкрытую насмешку третьего.

Они утверждали, что у женщин нет ни рассудка, ни логики, что они не способны написать толковый труд.

Они утверждали, что женщины годятся лишь для того, чтобы описывать сердечные дела, и способны лишь проливать слезы и улыбаться на страницах романов.

Они говорили...

Прутик в руке Мэри замер.

Романы.

Романы.

Они смотрят на романы свысока. Они заявляют, что написанные женщинами романы полны лишь сентиментальной глупости и начисто лишены здравого смысла. Они радуются, что женщины не берутся за историю или политику, иначе мир захлебнулся бы в заблуждениях.

Они презирают романы.

Но они многого не знают.

Мэри медленно подняла голову и посмотрела на пеструю листву над головой.

Они не знают, что в романе можно говорить как о чувствах, так и об истине. Что в нем можно сочетать безумную страсть и трезвый рассудок. Что можно по капельке вплетать в ткань истории то, чего, по их мнению, женщины вовсе не понимают, заставляя тех самых презирающих их людей собственными руками читать это, листать страницы и — даже не догадываться, о чем они на самом деле читают.

Когда они поймут это, будет уже поздно.

Когда они обнаружат, что за этими сентиментальными историями кроется железная логика, что в этих слезах и улыбках спрятан строгий разум, а в сюжетах, предназначенных якобы лишь для женского развлечения, искусно зашито всё то, чего, как они были уверены, женщины постичь не способны...

Что они тогда почувствуют?

Мэри бросила прутик на землю.

Она поднялась и стряхнула с платья прилипшие травинки.

Солнечный свет ласково овеял её.

В памяти внезапно всплыли слова мисс Уилсон.

Облака — на небе, грязь — на земле, а ты стоишь посередине.

Прежде она думала, что эта фраза означает её пребывание между двумя мирами: миром прошлой жизни и миром нынешней.

Но теперь она всё поняла.

Эти слова значили и то, что она стоит между теми, кто смотрит на женщин свысока, и той, кем она сама жаждет стать.

Она стоит между предрассудками и правдой.

Она стоит между безмолвием и голосом.

Она будет писать.

Писать романы.

Писать те самые романы, которые, по их мнению, женщины не способны создать.

Писать романы, в которых скрыта логика, запятан разум и таится острое жало.

Писать романы, которые — в тот самый день, когда они прозреют, — заставят их покраснеть от стыда и онеметь от изумления.

В тот вечер за ужином миссис Беннет по обыкновению вела бесконечные разговоры на свою любимую тему.

Сегодня заходила миссис Лукас и говорила, что её Уильям скоро возвращается из Лондона. Слышно, что дела у него идут прекрасно, годовой доход исчисляется сотнями фунтов — вы все должны постараться показать себя с лучшей стороны...

Джейн сидела, опустив голову, и её щеки слегка порозовели.

Элизабет смотрела в окно, словно вовсе не слушая мать.

Китти и Лидия под столом пинались ногами, за что были тут же отчитаны миссис Беннет.

Мэри тихонько ела то, что лежало на её тарелке, не произнося ни слова.

Мистер Беннет бросил на неё взгляд.

На её лице запечатлелось выражение, которого он прежде никогда у неё не видел — это не было ни отрешенным витанием в облаках, ни унынием, ни тем взглядом забитого зверька. Это было нечто... чего он не мог подобрать в словах.

Так выглядит человек, который принял какое-то решение.

Окончив ужин, Мэри поднялась из-за стола и передала свою тарелку слуге.

Отец, — произнесла она.

Мистер Беннет поднял голову.

В чем дело?

Ни в чем, — ответила Мэри. — Спокойной ночи.

Она повернулась и направилась вверх.

Мистер Беннет некоторое время молча смотрел ей вслед.

Затем он опустил голову и продолжил доедать суп.

Что бы ни творилось в её голове, по крайней мере, она больше не сидит часами на полу в кабинете. По крайней мере, она начала есть, заговорила и стала вести себя как нормальный ребенок.

Этого достаточно.

Подумал он.

Чего он не знал, так это того, что в эту самую ночь Мэри зажгла свечу, села за свой маленький столик и расстелила перед собой чистый лист бумаги.

Бумагу она тайком утащила из кабинета — тонкую, дешевую, из тех, что отец использовал для всяких черновых записей. Перо тоже взяла там же: старое, с немного раздвоенным кончиком, из-за чего буквы ложились не слишком ровно.

Но ей было всё равно.

Она слегка обожгла кончик пера над пламенем свечи, обмакнула его в чернила и вывела на бумаге первую строчку.

Не начало истории.

Просто дату.

Осень 18xx года.

Затем она остановилась, глядя на эти написанные слова, и немного подумала.

О чем ей писать?

Она понятия не имела.

Но точно знала одно: с этого момента она будет писать.

Строчка за строчкой. Капля за каплей. Пока не наберется достаточно, пока история не будет завершена, пока в один прекрасный день исписанные ею листы не превратятся в настоящую книгу, которую напечатают, пустят в продажу и кто-нибудь прочтет...

В тот день те люди, что заявляли об отсутствии у женщин рассудка, прочтут её книгу.

Те, кто утверждал, что женщины не способны излагать мысли логично, прочтут её книгу.

Те высокомерные особы, которые с мягким презрением и открытой насмешкой относились к ней и её сестрам по полу —

Они прочтут её книгу.

Им невдомек, что это — объявление войны, выведенное поблекшими чернилами при свете свечи рукой девятилетней девочки.

Но рано или поздно им придется узнать об этом.

Мэри думала о плагиате.

И не раз.

Взять те будущие шедевры, все те истории, которые она прочла в прошлой жизни, заучила наизусть и знала до мельчайших деталей — выбрать любое произведение, поставить под ним свое имя и произвести фурор в эту эпоху.

Диккенс еще не написал Оливера Твиста. Эдгар По еще не родился. Конан Дойлю понадобятся еще десятилетия, прежде чем он возьмется за истории о Шерлоке Холмсе. Ей достаточно переписать парочку готовых сюжетов, чтобы стать величайшим литератором своего времени.

Она думала об этом.

Думала неоднократно.

Поздней ночью, лежа в постели и глядя на балдахин над головой, она перебирала эти названия: Этюд в багровых тонах, Знак четырех, Скандал в Богемии... Она могла бы слово в слово воспроизвести те вступительные диалоги, описания персонажей, все хитросплетения детективных расследований. Как Холмс говорит Дорогой Ватсон, а Ватсон аккуратно записывает подробности блестяще раскрытых преступлений — она была способна повторить всё точь-в-точь.

Никто бы не узнал.

Люди этой эпохи сочли бы её гением.

Но стоило ей взять в руки перо, как рука отказывалась писать.

Не из-за плохой памяти — она помнила те истории превосходно, некоторые даже могла бы процитировать целыми страницами. И не из-за страха разоблачения — откуда кому-то узнать? Отец Конан Дойла нынче, пожалуй, еще сопливый мальчишка, который сам не ведает, какие сюжеты сочинит в грядущем.

Дело было в другом.

Она не могла понять, в чем именно.

Словно какая-то невидимая стена вырастала между ней и теми будущими историями. Каждый раз, когда она намеревалась начать переписывание, эта преграда возникала перед ней и отводила её руку назад.

До того самого полудня.

Ноябрьское солнце заглядывало в окно, ложась теплыми бликами на письменный стол.

Мэри сидела в отцовском кабинете — теперь это помещение наполовину принадлежало ей. Мистер Беннет молчаливо разрешил ей приходить сюда в любое время, если только она не устраивает беспорядок в его бумагах и не раскидывает книги повсюду. Иногда он поднимал взгляд из-за книжных завалов, смотрел на нее пару секунд, а затем снова опускал голову, не говоря ни слова.

Перед ней лежал чистый лист бумаги, а в пальцах было зажато гусиное перо.

Кончик пера завис над бумагой и так и не опустился.

Она думала о тех сюжетах из будущего.

Холмс. Ватсон. Бейкер-стрит, 221В. Блестящие дедуктивные выкладки, изощренные уловки, потрясение в момент финального разоблачения. Замешательство инспектора Лестрейда, козни Мориарти, те головокружительные повороты сюжета, от которых читатели приходят в восторг.

Она вполне могла всё это записать.

Она помнила ту фразу про скромный сапфир из Этюда в багровых тонах. Помнила ту фотографию Ирен Адлер из Скандала в Богемии. Помнила нелепую и тонкую аферу из Союза рыжих, где человека заставляли переписывать энциклопедию лишь для того, чтобы выманить его из дома.

Она могла просто скопировать всё слово в слово.

Заменить имя Артура Конан Дойла на собственное.

Никто бы не узнал.

Обитатели этой эпохи превозносили бы её как гения.

Но рука, державшая перо, упорно отказывалась выводить строчки.

Почему?

Она неотрывно смотрела на чистый лист, на капельку чернил, застывшую на кончике пера, в то время как в её голове бушевал хаос мыслей.

Она вспоминала выпады против Мэри Уолстонкрафт.

Гиена в юбке.

Она вовсе не истинная женщина.

Её теории — лишь прикрытия для распутной личной жизни.

Эти слова метили не в идеи Уолстонкрафт. Они били по ней самой как по личности. Их целью было исключить её из числа людей, чье мнение заслуживает хоть малейшего внимания.

А что, если она займется плагиатом?

Если её тайное воровство раскроется?

Нет, дело даже не в самом разоблачении. Главное — она сама будет знать правду.

Она будет знать, что эти истории написала не она. Что этот талант ей не принадлежит. Что все эти бурные аплодисменты, похвалы и титул гениальной писательницы — всего лишь краденое имущество.

Чем же тогда она будет отличаться от тех злопыхателей, что травили Уолстонкрафт?

Те мерили её чужими мерками. Она же станет доказывать собственную состоятельность чужими творениями.

Что она тогда выиграет?

Перед глазами встала улыбка мисс Уилсон перед отъездом. В этой улыбке не было ни обиды, ни горечи — лишь то неуловимое выражение, которого Мэри тогда не сумела расшифровать. Теперь она понимала. Так улыбаются люди, которые твердо знают, кто они такие.

Мисс Уилсон знала, кто она.

Уолстонкрафт знала, кто она.

А что насчет неё самой?

Если она присвоит чужие истории, будет ли она знать, кто она такая?

Перо замерло над бумагой, а капля чернил становилась всё тяжелее и больше.

Чернильная капля срывается вниз вовсе не потому, что этого желают — просто она набирает такой вес, что бумага или палец уже не в силах её удержать.

Мэри не сводила глаз с чернильной точки, продолжая крутить в голове те же вопросы.

Если те истории чужие, то что же тогда принадлежит ей по праву?

Есть ли у неё хоть что-то, чего нет у других?

Что она может написать такого, чего не осилит никто иной?

Она вспомнила слова отца о том, что этот мир изначально несправедлив. Вспомнила наставление Уолстонкрафт: вы не одиноки. Вспомнила собственное решение, принятое в тех диких зарослях: создать романы, требующие логики и ясного ума, бросить вызов тем, кто отказывает женщинам в способности мыслить рационально.

Но если эта логика и этот разум — ворованные?

Если эти сюжеты сочинены другими?

Тому ли она объявила войну?

И за кого она сражается?

Капля чернил сорвалась.

Черная точка отделилась от кончика пера и полетела вниз, описывая в воздухе крошечную дугу.

Прежде чем Мэри успела сообразить, чернила угодили ей прямо на палец.

На подушечку большого пальца.

Ой.

Она машинально взмахнула рукой, собираясь стереть чернильное пятно. Но в тот же миг, когда рука поднялась, край бумаги зацепился за неё и слегка приподнялся — палец Мэри прижался прямо к листу.

Когда она отвела руку, на бумаге остался четкий отпечаток.

Отпечаток пальца.

Папиллярные линии, завитки, тонкие изгибающиеся круги — всё это ясно отпечаталось на белой поверхности. Черные чернила заполнили бороздки, превратив невидимые глазу узоры в поразительный и резкий рисунок.

Мэри замерла.

Она опустила глаза, разглядывая этот след.

Солнечный свет струился из окна прямо на лист бумаги, освещая отпечаток. Тонкие линии слабо мерцали в лучах солнца, напоминая крошечную карту или маленькую потаенную дверь.

Отпечаток пальца.

Она знала про отпечатки пальцев.

В прошлой жизни она просмотрела бесчисленное множество детективных сериалов.

<http://bllate.org/book/22034/2290815>